

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Терёшечка

Худое житьё было старику со старухой! Век они прожили, а детей не нажили; смолоду ещё перебивались так-сяк; состарились оба, напиток подать некому, и тужат и плачут. Вот сделали они колодочку, завернули её в пелёночку, положили в люлечку, стали качать да прибаюкивать – и вместо колодочки стал рость в пелёночках сынок Терёшечка, настоящая ягодка! Мальчик рос-подрастал, в разум приходил. Отец ему сделал челночок. Терёшечка поехал рыбу ловить; а мать ему и молочко и творожок стала носить. Придёт, бывало, на берег и зовёт:

– Терёшечка, мой сыночек! Плыви, плыви к бережочку; я, мать, пришла, молока принесла.

Терёшечка далеко услышит её голосок, подъедет к бережку, высыпет рыбку, напьётся-наестся и опять поедет ловить.

□Один раз мать говорила ему:

– Сыночек, милочка! Будь осторожен, тебя караулит ведьма Чувилиха; не попадись ей в когти.

Сказала и пошла. А Чувилиха пришла к бережку и зовёт страшным голосом:

– Терёшечка, мой сыночек! Плыви, плыви к бережочку; я, мать, пришла, молока принесла.

А Терёшечка распознал и говорит:

– Дальше, дальше, мой челночок! Это не родимой матушки голосок, а злой ведьмы Чувилихи.

Чувилиха услышала, побежала, доку^[1] сыскала и добыла себе голосок, как у Терёшечкиной матери. Пришла мать, стала звать сына тоненьким голоском:

– Терёшечка, мой сыночек, плыви, плыви к бережочку.

Терёшечка услышал и говорит:

– Ближе, ближе, мой челночок! Это родимой матушки голосок.

Мать его накормила, напоила и опять за рыбкой пустила.

□Пришла ведьма Чувилиха, запела выученным голоском, точь-в-точь родимая матушка. Терёшечка обознался, подъехал: она его схватила, да в куль, и помчала. Примчала в избушку на курьих ножках, велела дочери его сжарить; а сама, поднявши лытки^[2], пошла опять на раздобытки. Терёшечка был мужичок не дурачок, в обиду девке не дался, вместо себя посадил её жариться в печь, а сам взобрался на высокий дуб.

□Прибежала Чувилиха, вскочила в избу, напилась-наелась, вышла на двор, катается-валяется и приговаривает:

– Покатаюсь я, поваляюсь я, Терёшечкиного мяса наевшись!

А он ей с дуба кричит:

– Покатайся, поваляйся, ведьма, своей дочери мяса наевшись!

Услышала она, подняла голову, раскинула глаза на все стороны – нет никого! Опять затянула:

– Покатаюсь я, поваляюсь я, Терёшечкиного мяса наевшись!

А он отвечает:

– Покатайся, поваляйся, ведьма, своей дочери мяса наевшись!

Испугалась она, глянула и увидела его на высоком дубу. Вскочила, бросилась к кузнецу:

– Кузнец, кузнец! Скуй мне топорок.

Сковал кузнец топорок и говорит:

– Не руби же ты остриём, а руби обухом.

Послушалась, стучала-стучала, рубила-рубила, ничего не сделала. Припала к дереву, впилась в него зубами, дерево затрещало.

□По небу летят гуси-лебеди; Терёшечка видит беду, видит гусей-лебедей, взмолился им, стал их упрашивать:

Гуси-лебеди, возьмите меня,
Посадите меня на крылышки,
Донесите меня к отцу, к матери;
Там вас накормят-напоят.

А гуси-лебеди отвечают:

– Ка-га! Вон летит другое стадо, поголоднее нас, оно тебя возьмёт, донесёт.

А ведьма грызёт, только щепки летят, а дуб трещит да шатается. Летит другое стадо. Терёшечка опять кричит:

– Гуси-лебеди! Возьмите меня, посадите меня на крылышки, донесите меня к отцу, к матери; там вас накормят-напоят.

– Ка-га! – отвечают гуси. – За нами летит зашипанный гусенёк, он тебя возьмёт, донесёт.

Гусенёк не летит, а дерево трещит да шатается. Ведьма погрызёт-погрызёт, взглянет на Терёшечку – оближется и опять примется за дело; вот-вот к ней свалится!

□По счастью, летит зашипанный гусенёк, крылышками махает, а Терёшечка-то его просит, ублажает:

– Гусь-лебедь ты мой, возьми меня, посади меня на крылышки, донеси меня к отцу, к матери; там тебя накормят-напоят и чистой водицей обмоют.

Сжалился зашипанный гусенёк, подставил Терёшечке крылышки, вострепнулся и полетел вместе с ним. Подлетели к окошечку родимого батюшки, сели на травке. А старушка напекла блинов,

созвала гостей, поминает Терешечку и говорит:

– Это тебе, гостёк, это тебе, старичок, а это мне блинок!

А Терешечка под окном отзывается:

– А мне?

– Погляди-ка, старичок, кто там просит блинок?

Старик вышел, увидел Терёшечку, обхватил его, привёл к матери – пошло обниманье! А защипанного гусенька откормили, напоили, на волю пустили, и стал он с тех пор широко крыльями махать, впереди всех летать да Терёшечку вспоминать.

---

[1] – Мастер, искусник (Ред.).

[2] – Лытки – нижние конечности ног; бежать поднявши лытки – бежать очень быстро (Ред.).

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Ивашко и ведьма

Жил себе дед да баба, у них был один сыночек Ивашечко; они его так-то уж любили, что и сказать нельзя! Вот просит Ивашечко у отца и матери:

- Пустите меня, я поеду рыбку ловить.
- Куда тебе! Ты ещё мал, пожалуй, утонешь, чего доброго!
- Нет, не утону; я буду вам рыбку ловить: пустите!

Баба надела на него белую рубашечку, красным поясом подпоясала и отпустила Ивашечка.

Вот он сел в лодку и говорит:

Чо́вник, чо́вник, плыви дальшенько!
Чо́вник, чо́вник, плыви дальшенько!

Челнок поплыл далеко-далеко, а Ивашко стал ловить рыбку. Прошло мало ли, много ли времени, притащилась баба на́берег и зовёт своего сына:

Ивашечко, Ивашечко, мой сыночек!
Приплынь, приплынь на бережочек;
Я тебе есть и пить принесла.

А Ивашко говорит:

Чо́вник, чо́вник, плыви к бережку:
То меня мати́нька зовет.

Челнок приплыл к бережку; баба забрала рыбу, накормила-напоила своего сына, переменяла ему рубашечку и поясок и отпустила опять ловить рыбку.

Вот он сел в лодочку и говорит:

Чо́вник, чо́вник, плыви дальшенько!

Чо́вник, чо́вник, плыви дальшенько!

Челнок поплыл далеко-далеко, а Ивашко стал ловить рыбку. Прошло мало ли, много ли времени, притащился дед на́ берег и зовет своего сына:

Ивашечко, Ивашечко, мой сыночек!

Приплынь, приплынь на бережочек;

Я тебе есть и пить принес.

А Ивашко:

Чо́вник, чо́вник, плыви к бережку:

То меня батинька зовет.

Челнок приплыл к бережку; дед забрал рыбу, накормил-напоил сына, переменял ему рубашечку и поясок и отпустил опять ловить рыбку.

Ведьма^[1] слышала, как дед и баба призывали Ивашку, и захотелось ей овладеть мальчиком. Вот приходит она на́ берег и кричит хриплым голосом:

Ивашечко, Ивашечко, мой сыночек!

Приплынь, приплынь на бережочек;

Я тебе есть и пить принесла.

Ивашко слышит, что это голос не его матери, а голос ведьмы, и поёт:

Чо́вник, чо́вник, плыви дальшенько,

Чо́вник, чо́вник, плыви дальшенько:

То меня не мать зовет, то меня ведьма зовет.

Ведьма увидела, что надобно звать Ивашку тем же голосом, каким его мать зовёт, побежала к кузнецу и просит его:

– Ковалику^[21], ковалику! Скуй мне такой тонесенький голосок, как у Ивашкиной матери; а то я тебя съем!

Коваль сковал ей такой голосок, как у Ивашкиной матери. Вот ведьма пришла ночью на бережок и поёт:

Ивашечко, Ивашечко, мой сыночек!
Приплынь, приплынь на бережочек;
Я тебе есть и пить принесла.

Ивашко приплыл; она рыбу забрала, его самого схватила и унесла к себе. Пришла домой и заставляет свою дочь Алёнку:

– Истопи печь пожарче да сжарь хорошенько Ивашку, а я пойду соберу гостей – моих приятелей.

Вот Алёнка истопила печь жарко-жарко и говорит Ивашке:

– Ступай, садись на лопату!

– Я ещё мал и глуп, – отвечает Ивашко, – я ничего ещё не умею – не разумею; поучи меня, как надо сесть на лопату.

– Хорошо, – говорит Алёнка, – поучить недолго! – и только села она на лопату, Ивашко так и барахнул её в печь и закрыл заслонкой, а сам вышел из хаты, запер двери и влез на высокий-высокий дуб.

Ведьма приходит с гостями и стучится в хату; никто не отворяет ей дверей.

– Ах, проклятая Алёнка! Верно, ушла куда-нибудь играть.

Влезла ведьма в окно, отворила двери и впустила гостей; все уселись за стол, а ведьма открыла заслонку, достала жареную Алёнку – и на стол: ели-ели, пили-пили и вышли на двор и стали валяться на траве.

– Покатюся, повалюся, Ивашкина мясца наевшись! – кричит ведьма. – Покатюся, повалюся, Ивашкина мясца наевшись!

А Ивашко переговаривает её с верху дуба:

– Покатайся, поваляйся, Алёнкина мясца наевшись!

– Мне что-то послышалось, – говорит ведьма.

– Это листья шумят!

Опять ведьма говорит:

– Покатюся, повалюся, Ивашкина мясца наевшись!, а Ивашко своё:

– Покатися, повалися, Алёнкина мясца наевшись!

Ведьма посмотрела вверх и увидела Ивашку; бросилась она грызть дуб – тот самый, где сидел Ивашко, грызла, грызла, грызла – два передних зуба выломала и побежала в кузню. Прибежала и говорит:

– Ковалику, ковалику! Скуй мне железные зубы, а не то я тебя съем!

Коваль сковал ей два железных зуба.

□Воротилась ведьма и стала опять грызть дуб; грызла, грызла, и только что перегрызла, как Ивашко взял да и перескочил на другой, соседний дуб, а тот, что ведьма перегрызла, рухнул наземь. Ведьма видит, что Ивашко сидит уже на другом дубе, заскрипела от злости зубами и принялась снова грызть дерево; грызла, грызла, грызла – два нижних зуба выломала и побежала в кузню. Прибежала и говорит:

– Ковалику, ковалику! Скуй мне железные зубы, а не то я тебя съем!

Коваль сковал ей ещё два железных зуба. Воротилась ведьма и стала опять грызть дуб. Ивашко не знает, что ему и делать теперь; смотрит: летят гуси-лебеди; он и просит их:

Гуси мои, лебедята,
Возьмите меня на крылья,
Понесите меня до батиньки, до матиньки;
У батиньки, у матиньки
Пити-ести, хорошо ходити!

– Пущай тебе середине возьмут, – говорят птицы.

Ивашко ждёт; летит другое стадо, он опять просит:

Гуси мои, лебедята,
Возьмите меня на крылья,
Понесите меня до батиньки, до матиньки;
У батиньки, у матиньки
Пити-ести, хорошо ходити!

– Пущай тебя задние возьмут.

Ивашко опять ждёт; летит третье стадо, он просит:

Гуси мои, лебедята,
Возьмите меня на крылья,
Понесите меня до батиньки, до матиньки;
У батиньки, у матиньки
Пити-ести, хорошо ходити!

Гуси-лебеди подхватили его и понесли домой, прилетели к хате и посадили Ивашку на чердак.

□Рано поутру баба собралась печь блины, печет, а сама вспоминает сына:

– Где-то мой Ивашечко? Хоть бы во сне его увидеть!

А дед говорит:

– Мне снилось, будто гуси-лебеди принесли нашего Ивашку на своих крыльях.

Напекла баба блинов и говорит:

– Ну, старик, давай делить блины: это – тебе, дед, это – мне; это – тебе, дед, это – мне...

– А мне нема! – отзывается Ивашко.

– Это – тебе, дед, это – мне...

– А мне нема!

– А ну, старик, – говорит баба, – посмотри, щось там такé?

Дед полез на чердак и достал оттуда Ивашку. Дед и баба обрадовались, расспросили сына обо всём, обо всём и стали вместе жить да поживать да добра наживать.

---

[1] – Некоторые сказочники заменяют в этой сказке слово «ведьма» – словом «змея».

[2] – Коваль – кузнец; ковать, подкова.

Загрузка...

**Русские народные сказки. А.
Н. Афанасьев. Баба-яга и
жихарь**

Жил кот, воробей да жихарько^[1] третей. Кот да воробей пошли дрова рубить и говорят жихарьку:

– Домовничай да смотри: ежели придёт яга-баба да станет считать ложки, ты ничего не говори, молчи!

– Ладно, – ответил жихарь.

Кот да воробей ушли, а жихарь сел на печь за трубу. Вдруг является яга-баба, берёт ложки и считает:

– Это – котова ложка, это – воробьёва ложка, третья – жихарькова.

Жихарь не мог стерпеть, закричал:

– Не тронь, яга-баба, мою ложку.

Яга-баба схватила жихаря, села в ступу, поехала; едет в ступе, пестом понужат^[2], а помелом следы заметат. Жихарь заревел:

– Кот, беги! Воробей, лети!

Те услышали, прибежали. Кот начал царапать ягу-бабу, а воробей клевать; отняли жихаря.

□На другой день стали опять собираться в лес дрова рубить,

заказывают жихарю:

– Смотри, ежели будет яга-баба, ничего не говори; мы теперь далеко уйдём.

Жихарь только сел за трубу на печь, яга-баба опять явилась, начала считать ложки:

– Это – котова ложка, это – воробьёва ложка, это – жихарькова.

Жихарько не мог утерпеть, заревел:

– Не тронь, яга-баба, мою ложку.

Яга-баба схватила жихаря, потащила, а жихарь ревёт:

– Кот, беги! Воробей, лети!

Те услышали, прибежали; кот царапать, воробей клевать яга-бабу! Отняли жихаря, ушли домой.

□На третий день собрались в лес дрова рубить, говорят жихарю:

– Смотри, ежели придёт яга-баба – молчи; мы теперь далеко уйдём.

Кот да воробей ушли, а жихарь третей уселся за трубу на печь; вдруг опять яга-баба берёт ложки и считает:

– Это – котова ложка, это – воробьёва ложка, третья – жихарькова.

Жихарь молчит. Яга-баба вдругорядь считает:

– Это – котова ложка, это – воробьёва, это – жихарькова.

Жихарь молчит. Яга-баба в третий раз считает:

– Это – котова ложка, это – воробьёва ложка, третья – жихарькова.

Жихарько не мог стерпеть, забазлал^[3]:

– Не тронь, курва, мою ложку.

Яга-баба схватила жихаря, потащила. Жихарь кричит:

– Кот, беги! Воробей, лети!

Братья его не слышат.

□Притащила яга-баба жихаря домой, посадила в голбец^[4], сама затопила печку, говорит большой дочери:

– Девка! Я пойду в Русь; ты изжарь к обеду мне жихарька.

– Ладно! – та говорит.

Печка истопилась, девка велит выходить жихарю. Жихарь вышел.

– Ложись на ла́дку^[5]! – говорит опять девка.

Жихарь лёг, уставил одну ногу в потолок, другу´ в на́олок^[6]. Девка говорит:

– Не так, не так!

Жихарь бает:

– А как? Ну-ка поучи.

Девка легла в ла́дку. Жихарь не оробел, схватил ухват, да и пихнул в печь ла́дку с ягишницей дочерью, сам ушёл опять в голбец, сидит – дожидается ягой-бабы. Вдруг яга-баба прибежала и говорит:

– Покататься было, поваляться было на жихарьковых косточках!

А жихарь ей в ответ:

– Покатайся, поваляйся на дочерниных косточках!

□Яга-баба спохватилась, посмотрела: дочь её изжарена, и заревела:

– А, ты, мошенник, стой! Не увернёшься!

Приказыват средней дочери изжарить жихарька, сама уехала. Середня дочь истопила печку, велит выходить жихарьку. Жихарь вышел, лег в ла́дку, одну ногу устави́л в потолок, друго́у в наволо́к. Девка говорит:

– Не так, не так!

– А поучи: как?

Девка легла в ла́дку. Жихарь взял да и пихнул её в печь, сам ушёл в голбец, сидит там. Вдруг яга-баба:

– Покататься было, поваляться было на жихарьковых косточках!

Он в ответ:

– Поваляйся, покатайся на дочерниных косточках!

Ягишна взбесилась:

– Э, стой, – говорит, – не увернёшься!

Приказывает молодой дочери изжарить его. Не тут-то было, жихарь и эту изжарил!

□Яга-баба пуще рассердилась:

– Погоди, – говорит, – у меня не увернёшься!

Истопила печь, кричит:

– Выходи, жихарько! Ложись вот на ла́дку.

Жихарь лёг, устави́л одну ногу в потолок, друго́у в наволо́к, не уходит в чело^[7]. Яга-баба говорит:

– Не так, не так!

А жихарь будто не знат.

– Я, – говорит, – не знаю, поучи сама!

Яга-баба тотчас поджалась и легла в ла́дку. Жихарь не оробел, взял да её и пихнул в печь; сам ступай домой, прибежал, сказыват братьям:

– Вот чего я сделал с ягой-бабой!

---

[1] – Жихарь – домовый, удалой человек или имя.

[2] – Погоняет.

[3] – Базлать – громко кричать.

[4] – Деревянная приделка к печи, под которую делается ход в подполье.

[5] – Ла́дка – глиняная сковорода.

[6] – Пол.

[7] – Чело́ – верхняя часть русской печи.

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Баба-яга и Заморышек

Жил-был старик да старуха; детей у них не было. Уж чего они ни делали, как ни молились богу, а старуха всё не рожала. Раз пошёл старик в лес за грибами; попадается ему дорогою старый дед.

– Я знаю, – говорит, – что у тебя на мыслях; ты всё об детях думаешь. Поди-ка по деревне, собери с каждого двора по яичку и посади на те яйца клушку^[1]; что будет, сам увидишь!

Старик воротился в деревню; в ихней деревне был сорок один двор; вот он обошёл все дворы, собрал с каждого по яичку и посадил клушку на сорок одно яйцо. Прошло две недели, смотрит старик, смотрит и старуха, – а из тех яичек народились мальчики; сорок крепких, здоровеньких, а один не удался – хил да слаб! Стал старик давать мальчикам имена; всем дал, а последнему не достало имени.

– Ну, – говорит, – будь же ты Заморышек!

□Растут у старика со старухой детки, растут не по дням, а по часам; выросли и стали работать, отцу с матерью помогать; сорок мо́лодцев в поле возятся, а Заморышек дома управляется. Пришло время сенокосное; братья траву косили, стога ставили, поработали с неделю и вернулись на деревню; поели, что бог послал, и легли спать. Старик смотрит и говорит:

– Молодо-зелено! Едят много, спят крепко, а дела, поди, ничего не сделали!

– А ты прежде посмотри, батюшка! – отзывается Заморышек.

Старик снарядился и поехал в луга; глянул – сорок стогов смётано:

– Ай да молодцы ребята! Сколько за одну неделю накосили и в стога сметали.

□На другой день старик опять собрался в луга, захотелось на своё добро полюбоваться; приехал – а одного стога как не бывало! Воротился домой и говорит:

– Ах, детки! Ведь один стог-то пропал.

– Ничего, батюшка! – отвечает Заморышек. – Мы этого вора поймем; дай-ка мне сто рублёв, а уж я дело сделаю.

Взял у отца сто рублёв и пошёл к кузнецу:

– Можешь ли сковать мне такую цепь, чтоб хватило с ног до головы обвить человека?

– Отчего не сковать!

– Смотри же, делай покрепче; коли цепь выдержит – сто рублёв плачу, а коли лопнет – пропал твой труд!

Кузнец сковал железную цепь; Заморышек обвил её вокруг себя, потянул – она и лопнула. Кузнец вдвое крепче сделал; ну, та годилась. Заморышек взял эту цепь, заплатил сто рублёв и пошёл сено караулить; сел под стог и дожидается.

□Вот в самую полночь поднялась погода, всколыхалось море, и выходит из морской глубины чудная кобылица, подбежала к первому стогу и принялась пожирать сено. Заморышек подскочил, обротал её железной цепью и сел верхом. Стала его кобылица мыкать, по долам, по горам носить; нет, не в силах седока сбить! Остановилась она и говорит ему:

– Ну, добрый мо́лодец, когда сумел ты усидеть на мне, то возьми-владей моими жеребятами.

Подбежала кобылица к синю морю и громко заржала; тут сине море всколыхалось, и вышли на́берег сорок один жеребец; конь коня лучше! Весь свет изойди, нигде таких не найдёшь! Утром слышит старик на дворе ржанье, топот; что такое? а это его сынок Заморышек целый табун пригнал.

– Здорово, – говорит, – братцы! Теперь у всех у нас по коню есть; поедemте невест себе искать.

– Поедем!

Отец с матерью благословили их, и поехали братья в путь-дорогу далёкую.

□Долго они ездили по белому свету, да где столько невест найти? Порознь жениться не хочется, чтоб никому обидно не было; а какая мать похвалится, что у ней как раз сорок одна дочь народилась? Заехали мо́лодцы за тридевять земель; смотрят: на крутой горе стоят белокаменные палаты, высокой стеной обведены, у ворот железные столбы поставлены. Сосчитали – сорок один столб. Вот они привязали к тем столбам своих богатырских коней и идут на двор. Встречает их баба-яга:

– Ах вы, незванные-непрошеные! Как вы смели лошадей без спросу привязывать?

– Ну, старая, чего кричишь? Ты прежде напой-накорми, в баню своди, да после про вести и спрашивай.

Баба-яга накормила их, напоила, в баню сводила и стала спрашивать:

– Что, добрые мо́лодцы, дела пытаете иль от дела лытаете?

– Дела пытаем, бабушка!

– Чего ж вам надобно?

– Да невест ищем.

– У меня есть дочери, – говорит баба-яга, бросилась в высокие терема и вывела сорок одну дэвицу.

□Тут они сосватались, начали пить, гулять, свадьбы справлять. Вечером пошёл Заморышек на своего коня посмотреть. Увидел его добрый конь и промолвил человеческим голосом:

– Смотри, хозяин! Как ляжете вы спать с молодыми женами, нарядите их в свои платья, а на себя наденьте женины; не то все пропадём!

Заморышек сказал это братьям; нарядили они молодых жён в свои платья, а сами оделись в жёнины и легли спать. Все заснули, только Заморышек глаз не смыкает. В самую полночь закричала баба-яга зычным голосом:

– Эй вы, слуги мои верные! Рубите незванным гостям буйны головы.

Прибежали слуги верные и отрубили буйны головы дочерям бабы-яги. Заморышек разбудил своих братьев и рассказал всё, что было; взяли они отрубленные головы, воткнули на железные спицы кругом стены, потом оседлали коней и поехали наскоро.

□Поутру встала баба-яга, глянула в окошечко – кругом стены торчат на спицах дочерние головы; страшно она озлобилась, приказала подать свой огненный щит, поскакала в погоню и начала палить щитом на все четыре стороны. Куда молодцам спрятаться? Впереди сине море, позади баба-яга – и жёт и палит! Помирать бы всем, да Заморышек догадлив был: не забыл он захватить у бабы-яги платочек, махнул тем платочком перед собою – и вдруг перекинулся мост через всё сине море; переехали добрые молодцы на другую сторону. Заморышек махнул платочком в иную сторону – мост исчез, баба-яга воротилась назад, а братья домой поехали.

---

[1] – Наседку.

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Василиса Прекрасная

В некотором царстве жил-был купец. Двенадцать лет жил он в супружестве и прижил только одну дочь, Василису Прекрасную. Когда мать скончалась, девочке было восемь лет. Умирая, купчиха призвала к себе дочку, вынула из-под одеяла куклу, отдала ей и сказала:

– Слушай, Василисушка! Помни и исполни последние мои слова. Я умираю и вместе с родительским благословением оставляю тебе

вот эту куклу; береги её всегда при себе и никому не показывай; а когда приключится тебе какое горе, дай ей поесть и спроси у неё совета. Покушает она и скажет тебе, чем помочь несчастью.

Затем мать поцеловала дочку и померла.

□После смерти жены купец потужил, как следовало, а потом стал думать, как бы опять жениться. Он был человек хороший; за невестами дело не стало, но больше всех по нраву пришлась ему одна вдовушка. Она была уже в годах, имела своих двух дочерей, почти однолеток Василисе, – стало быть, и хозяйка и мать опытная. Купец женился на вдовушке, но обманулся и не нашёл в ней доброй матери для своей Василисы. Василиса была первая на всё село красавица; мачеха и сёстры завидовали её красоте, мучили её всевозможными работами, чтоб она от трудов похудела, а от ветру и солнца почернела; совсем житья не было!

□Василиса всё переносила безропотно и с каждым днём всё хорошела и полнела, а между тем мачеха с дочками своими худела и дурнела от злости, несмотря на то, что они всегда сидели сложа руки, как барыни. Как же это так делалось? Василисе помогала её куколка. Без этого где бы девочке сладить со всею работою! Зато Василиса сама, бывало, не съест, а уж куколке оставит самый лакомый кусочек, и вечером, как все улягутся, она запрётся в чуланчике, где жила, и потчевает её, приговаривая:

– На, куколка, покушай, моего горя послушай! Живу я в доме у батюшки, не вижу себе никакой радости; злая мачеха гонит меня с белого света. Научи ты меня, как мне быть и жить и что делать?

Куколка покушает, да потом и даёт ей советы и утешает в горе, а наутро всякую работу справляет за Василису; та только отдыхает в холодочке да рвёт цветочки, а у неё уж и гряды выполоты, и капуста полита, и вода наношена, и печь вытоплена. Куколка ещё укажет Василисе и травку от загару. Хорошо было

жить ей с куколкой.

□Прошло несколько лет; Василиса выросла и стала невестой. Все женихи в городе присваиваются к Василисе; на мачехиных дочерей никто и не посмотрит. Мачеха злится пуще прежнего и всем женихам отвечает:

– Не выдам меньшей прежде старших!, – а проводя женихов, побоями вымещает зло на Василисе.

□Вот однажды купцу понадобилось уехать из дому на долгое время по торговым делам. Мачеха и перешла на житьё в другой дом, а возле этого дома был дремучий лес, а в лесу на поляне стояла избушка, а в избушке жила баба-яга: никого она к себе не подпускала и ела людей, как цыплят. Перебравшись на новоселье, купчиха то и дело посылала за чем-нибудь в лес ненавистную ей Василису, но эта завсегда возвращалась домой благополучно: куколка указывала ей дорогу и не подпускала к избушке бабы-яги.

□Пришла осень. Мачеха раздала всем трём девушкам вечерние работы: одну заставила кружева плести, другую чулки вязать, а Василису прясть, и всем по урокам. Погасила огонь во всём доме, оставила одну свечку там, где работали девушки, и сама легла спать. Девушки работали. Вот нагорело на свечке, одна из мачехиных дочерей взяла щипцы, чтоб поправить светильню, да вместо того, по приказу матери, как будто нечаянно и потушила свечку.

– Что теперь нам делать? – говорили девушки. – Огня нет в целом доме, а уроки наши не кончены. Надо сбегать за огнём к бабе-яге!

– Мне от булавок светло! – сказала та, что плела кружево. – Я не пойду.

– И я не пойду, – сказала та, что вязала чулок. – Мне от спиц светло!

– Тебе за огнём идти, – закричали обе. – Ступай к бабе-яге! – и вытолкали Василису из горницы.

□Василиса пошла в свой чуланчик, поставила перед куклою приготовленный ужин и сказала:

– На, куколка, покушай да моего горя послушай: меня посылают за огнём к бабе-яге; баба-яга съест меня!

Куколка поела, и глаза её заблестели, как две свечи.

– Не бойся, Василисушка! – сказала она. – Ступай, куда посылают, только меня держи всегда при себе. При мне ничего не случится с тобой у бабы-яги.

Василиса собралась, положила куколку свою в карман и, перекрестившись, пошла в дремучий лес.

□Идёт она и дрожит. Вдруг скачет мимо её всадник: сам белый, одет в белом, конь под ним белый, и сбруя на коне белая, – на дворе стало рассветать.

Идёт она дальше, как скачет другой всадник: сам красный, одет в красном и на красном коне, – стало всходить солнце.

Василиса прошла всю ночь и весь день, только к следующему вечеру вышла на полянку, где стояла избушка яги-бабы; забор вокруг избы из человеческих костей, на заборе торчат черепа людские, с глазами; вместо вереи у ворот – ноги человеьи, вместо запоров – руки, вместо замка – рот с острыми зубами. Василиса обомлела от ужаса и стала как вкопанная. Вдруг едет опять всадник: сам чёрный, одет во всём чёрном и на чёрном коне; подскакал к воротам бабы-яги и исчез, как сквозь землю провалился, – настала ночь. Но темнота продолжалась недолго: у всех черепов на заборе засветились глаза, и на всей поляне стало светло, как среди дня. Василиса дрожала со страху, но, не зная куда бежать, оставалась на месте.

□Скоро послышался в лесу страшный шум: деревья трещали, сухие листья хрустели; выехала из лесу баба-яга – в ступе едет,

пестом погоняет, помелом след заметает. Подъехала к воротам, остановилась и, обнюхав вокруг себя, закричала:

– Фу-фу! Русским духом пахнет! Кто здесь?

Василиса подошла к старухе со страхом и, низко поклонясь, сказала:

– Это я, бабушка! Мачехины дочери прислали меня за огнём к тебе.

– Хорошо, – сказала яга-баба, – знаю я их, поживи ты наперёд да поработай у меня, тогда и дам тебе огня; а коли нет, так я тебя съем!

Потом обратилась к воротам и вскрикнула:

– Эй, запоры мои крепкие, отомкнитесь; ворота мои широкие, отворитесь!

Ворота отворились, и баба-яга въехала, посвистывая, за нею вошла Василиса, а потом опять всё заперлось. Войдя в горницу, баба-яга растянулась и говорит Василисе:

– Подавай-ка сюда, что там есть в печи: я есть хочу.

□Василиса зажгла лучину от тех черепов, что на заборе, и начала таскать из печки да подавать яге кушанье, а кушанья настряпано было человек на десять; из погреба принесла она квасу, мёду, пива и вина. Всё съела, всё выпила старуха; Василисе оставила только щец немножко, краюшку хлеба да кусочек поросятины. Стала яга-баба спать ложиться и говорит:

– Когда завтра я уеду, ты смотри – двор вычисти, избу вымети, обед состряпай, бельё приготовь, да пойдёшь в закрома, возьми четверть пшеницы и очисти её от чернушки^[1]. Да чтоб всё было сделано, а не то – съем тебя!

После такого наказания баба-яга захрапела; а Василиса поставила старухины объедки перед куклою, залилась слезами и говорила:

– На, куколка, покушай, моего горя послушай! Тяжёлую дала мне яга-баба работу и грозитя съесть меня, коли всего не исполню; помоги мне!

Кукла ответила:

– Не бойся, Василиса Прекрасная! Поужинай, помолися да спать ложися; утро мудреней вечера!

□ Ранёшенько проснулась Василиса, а баба-яга уже встала, выглянула в окно: у черепов глаза потухают; вот мелькнул белый всадник – и совсем рассвело. Баба-яга вышла на двор, свистнула – перед ней явилась ступа с пестом и помелом. Промелькнул красный всадник – взошло солнце. Баба-яга села в ступу и выехала со двора, пестом погоняет, помелом след замечает. Осталась Василиса одна, осмотрела дом бабы-яги, подивилась изобилью во всём и остановилась в раздумье: за какую работу ей прежде всего приняться. Глядит, а вся работа уже сделана; куколка выбирала из пшеницы последние зёрна чернушки.

– Ах, ты, избавительница моя! – сказала Василиса куколке. – Ты от беды меня спасла.

– Тебе осталось только обед состряпать, – отвечала куколка, влезая в карман Василисы. – Состряпай с богом, да и отдыхай на здоровье!

□ К вечеру Василиса собрала на стол и ждёт бабу-ягу. Начало смеркаться, мелькнул за воротами чёрный всадник – и совсем стемнело; только светились глаза у черепов. Затрещали деревья, захрустели листья – едет баба-яга. Василиса встретила её.

– Всё ли сделано? – спрашивает яга.

– Изволь посмотреть сама, бабушка! – молвила Василиса.

Баба-яга всё осмотрела, подосадовала, что не за что рассердиться, и сказала:

– Ну, хорошо!

Потом крикнула:

– Верные мои слуги, сердечные друзья, смелите мою пшеницу!

Явились три пары рук, схватили пшеницу и унесли вон из глаз. Баба-яга наелась, стала ложиться спать и опять дала приказ Василисе:

– Завтра сделай ты то же, что и нынче, да сверх того возьми из закрома мак да очисти его от земли по зёрнышку, вишь, кто-то по злобе земли в него намешал!

Сказала старуха, повернулась к стене и захрапела, а Василиса принялась кормить свою куколку. Куколка поела и сказала ей по-вчерашнему:

– Молись богу да ложись спать; утро вечера мудренее, все будет сделано, Василисушка!

□ Наутро баба-яга опять уехала в ступе со двора, а Василиса с куколкой всю работу тотчас исправили. Старуха воротилась, оглядела всё и крикнула:

– Верные мои слуги, сердечные друзья, выжмите из маку масло!

Явились три пары рук, схватили мак и унесли из глаз. Баба-яга села обедать; она ест, а Василиса стоит молча.

– Что ж ты ничего не говоришь со мною? – сказала баба-яга. – Стоишь как немая!

– Не смела, – отвечала Василиса, – а если позволишь, то мне хотелось бы спросить тебя кой о чем.

– Спрашивай; только не всякий вопрос к добру ведёт: много будешь знать, скоро состареешься!

– Я хочу спросить тебя, бабушка, только о том, что видела: когда я шла к тебе, меня обогнал всадник на белом коне, сам белый и в белой одежде: кто он такой?

– Это день мой ясный, – отвечала баба-яга.

– Потом обогнал меня другой всадник на красном коне, сам красный и весь в красном одет; это кто такой?

– Это моё солнышко красное! – отвечала баба-яга.

– А что значит чёрный всадник, который обогнал меня у самых твоих ворот, бабушка?

– Это ночь моя тёмная – всё мои слуги верные!

□Василиса вспомнила о трёх парах рук и молчала.

– Что ж ты ещё не спрашиваешь? – молвила баба-яга.

– Будет с меня и этого; сама ж ты, бабушка, сказала, что много узнаешь – состареешься.

– Хорошо, – сказала баба-яга, – что ты спрашиваешь только о том, что видала за двором, а не во дворе! Я не люблю, чтоб у меня сор из избы выносили, и слишком любопытных ем! Теперь я тебя спрошу: как успеваешь ты исполнять работу, которую я задаю тебе?

– Мне помогает благословение моей матери, – отвечала Василиса.

– Так вот что! Убирайся же ты от меня, благословенная дочка! Не нужно мне благословенных.

Вытащила она Василису из горницы и вытолкала за ворота, сняла с забора один череп с горящими глазами и, наткнув на палку, отдала ей и сказала:

– Вот тебе огонь для мачехиных дочек, возьми его; они ведь за этим тебя сюда и прислали.

□Бегом пустилась домой Василиса при свете черепа, который погас только с наступлением утра, и, наконец, к вечеру другого дня добралась до своего дома. Подходя к воротам, она хотела было бросить череп.

– Верно, дома, – думает себе, – уж больше в огне не нуждаются.

Но вдруг послышался глухой голос из черепа:

– Не бросай меня, неси к мачехе!

□Она взглянула на дом мачехи и, не видя ни в одном окне огонька, решила идти туда с черепом. Впервые встретили её ласково и рассказали, что с той поры, как она ушла, у них не было в доме огня: сами высечь никак не могли, а который огонь приносили от соседей – тот погасал, как только входили с ним в горницу.

– Авось твой огонь будет держаться! – сказала мачеха.

Внесли череп в горницу; а глаза из черепа так и глядят на мачеху и её дочерей, так и жгут! Те было прятаться, но куда ни бросятся – глаза всюду за ними так и следят; к утру совсем сожгло их в уголь; одной Василисы не тронуло.

□Поутру Василиса зарыла череп в землю, заперла дом на замок, пошла в город и попросилась на житье к одной безродной старушке; живёт себе и поджидает отца. Вот как-то говорит она старушке:

– Скучно мне сидеть без дела, бабушка! Сходи, купи мне льну самого лучшего; я хоть прясть буду.

Старушка купила льну хорошего; Василиса села за дело, работа так и горит у неё, и пряжа выходит ровная да тонкая, как волосок. Набралось пряжи много; пора бы и за тканьё приниматься, да таких бёрд^[2] не найдут, чтобы годились на Василисину пряжу; никто не берётся и сделать-то. Василиса стала просить свою куколку, та и говорит:

– Принеси-ка мне какое-нибудь старое бёрдо, да старый челнок, да лошадиной гривы; я всё тебе смастерю.

□Василиса добыла всё, что надо, и легла спать, а кукла за ночь приготовила славный стан. К концу зимы и полотно выткано, да

такое тонкое, что сквозь иглу вместо нитки продеть можно. Весною полотно выбелили, и Василиса говорит старухе:

– Продай, бабушка, это полотно, а деньги возьми себе.

Старуха взглянула на товар и ахнула:

– Нет, дитячко! Такого полотна, кроме царя, носить некому; понесу во дворец.

□Пошла старуха к царским палатам да всё мимо окон похаживает. Царь увидал и спросил:

– Что тебе, старушка, надобно?

– Ваше царское величество, – отвечает старуха, – я принесла диковинный товар; никому, кроме тебя, показать не хочу.

Царь приказал впустить к себе старуху и как увидел полотно – вздивовался.

– Что хочешь за него? – спросил царь.

– Ему цены нет, царь-батюшка! Я тебе в дар его принесла.

Поблагодарил царь и отпустил старуху с подарками.

□Стали царю из того полотна сорочки шить; вскрыили, да нигде не могли найти швеи, которая взялась бы их работать. Долго искали; наконец царь позвал старуху и сказал:

– Умела ты прясть и соткать такое полотно, умей из него и сорочки сшить.

– Не я, государь, пряла и соткала полотно, – сказала старуха, – это работа приёмыша моего – девушки.

– Ну так пусть и сошьёт она!

Воротилась старушка домой и рассказала обо всём Василисе.

– Я знала, – говорит ей Василиса, – что эта работа моих рук не

минует.

Заперлась в свою горницу, принялась за работу; шила она не покладывая рук, и скоро дюжина сорочек была готова.

□ Старуха понесла к царю сорочки, а Василиса умылась, причесалась, оделась и села под окном. Сидит себе и ждёт, что будет. Видит: на двор к старухе идёт царский слуга; вошёл в горницу и говорит:

– Царь-государь хочет видеть искусницу, что работала ему сорочки, и наградить её из своих царских рук.

Пошла Василиса и явилась пред очи царские. Как увидел царь Василису Прекрасную, так и влюбился в неё без памяти.

– Нет, – говорит он, – красавица моя! Не расстанусь я с тобою; ты будешь моей женою.

Тут взял царь Василису за белые руки, посадил её подле себя, а там и свадебку сыграли. Скоро воротился и отец Василисы, порадовался об её судьбе и остался жить при дочери. Старушку Василиса взяла к себе, а куколку по конец жизни своей всегда носила в кармане.

---

[1] – Чернушка – травянистое растение.

[1] – Бёрдо – приспособление для ручного ткачества.

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Баба-яга

Жили-были муж с женой и прижили дочку; жена-то и помри. Мужик женился на другой, и от этой прижил дочь. Вот жена и невзлюбила падчерицу; нет житья сироте. Думал, думал наш мужик и повёз свою дочь в лес. Едет лесом – глядит: стоит избушка на курьих ножках. Вот и говорит мужик:

– Избушка, избушка! Стань к лесу задом, а ко мне передом.

Избушка и поворотилась.

□Идёт мужик в избушку, а в ней баба-яга: впереди голова, в одном углу нога, в другом – другая.

– Русским духом пахнет! – говорит яга.

Мужик кланяется:

– Баба-яга костяная нога! Я тебе дочку привёз в услуженье.

– Ну, хорошо! Служи, служи мне, – говорит яга девушке, – я тебя за это награжу.

□Отец простился и поехал домой. А баба-яга задала девушке пряжи с короб, печку истопить, всего припасти, а сама ушла. Вот девушка хлопочет у печи, а сама горько плачет. Выбежали

мышки и говорят ей:

– Девица, девица, что ты плачешь? Дай кашки; мы тебе добренько скажем.

Она дала им кашки.

– А вот, – говорят, – ты на всякое веретёнце по ниточке наряди.

Пришла баба-яга:

– Ну что, – говорит, – всё ли ты припасла?

А у девушки всё готово.

– Ну, теперь поди – вымой меня в бане.

Похвалила яга девушку и надавала ей разной сряды. Опять яга ушла и ещё труднее задала задачу. Девушка опять плачет. Выбегают мышки:

– Что ты, – говорят, – девица красная, плачешь? Дай кашки; мы тебе добренько скажем.

Она дала им кашки, а они опять научили её, что и как сделать. Баба-яга опять, пришедши, её похвалила и ещё больше дала сряды^[1]... А мачеха посылает мужа проведать, жива ли его дочь?

□Поехал мужик; приезжает и видит, что дочь богатая-пребогатая стала. Яги не было дома, он и взял её с собой. Подъезжают они к своей деревне, а дома собачка так и рвётся:

– Хам, хам, хам! Барыню везут, барыню везут!

Мачеха выбежала да скалкой собачку.

– Врёшь, – говорит, – скажи: в коробе косточки гремят!

А собачка всё своё. Приехали. Мачеха так и гонит мужа – и её дочь туда же отвезти. Отвёз мужик.

□ Вот баба-яга задала ей работы, а сама ушла. Девка так и рвётся с досады и плачет. Выбегают мыши.

– Девица, девица! О чём ты, – говорят, – плачешь?

А она не дала им выговорить, то тоё скалкой, то другую; с ними и провозилась, а дела-то не приделала. Яга пришла, рассердилась. В другой раз опять то же; яга изломала её, да косточки в короб и склала. Вот мать посылает мужа за дочерью. Приехал отец и повёз одни косточки. Подъезжает к деревне, а собачка опять лает на крылечке:

– Хам, хам, хам! В коробе косточки везут!

Мачеха бежит со скалкой:

– Врёшь, – говорит, – скажи: барыню везут!

А собачка всё своё:

– Хам, хам, хам! В коробе косточки гремят!

Приехал муж; тут-то жена взвыла! Вот тебе сказка, а мне кринка масла.

---

[1] – Срядя – нарядное платье.

Загрузка...

Русские народные сказки. А.

Н. Афанасьев. Бурёнушка

Не в каком царстве, не в каком государстве был-жил царь с царицею, и была у них одна дочь, Марья-царевна. А как умерла царица, то царь взял другую жену, Ягишну. У Ягишны родилось две дочери: одна – двоеглазая, а другая – троеглазая. Мачеха не залюбила Марьи-царевны, послала её пасти коровушку-бурёнушку и дала ей сухую краюшку хлебца.

□Царевна пошла в чистое поле, в праву ножку бурёнушке поклонилась – напилась-наелась, хорошо срядилась; за коровушкой-бурёнушкой целый день ходит, как барыня. День прошёл, она опять поклонилась ей в праву ножку, разрядилась, пришла домой и краюшку хлеба назад принесла, на стол положила.

– Чем сука жива живёт? – думает Ягишна; на другой день дала Марье-царевне ту же самую краюшку и посылает с нею свою большую дочь.

– Присмотри, чем Марья-царевна питается?

□Пришли в чистое поле; говорит Марья-царевна:

– Дай, сестрица, я поищу у тебя в головке.

Стала искать, а сама приговаривает:

– Спи-спи, сестрица! Спи-спи, родима! Спи-спи, глазок! Спи-спи, другой!

Сестрица заснула, а Марья-царевна встала, подошла к коровушке-бурёнушке, в праву ножку поклонилась, напилась-наелась, хорошо срядилась и ходит весь день как барыня. Пришёл вечер; Марья-царевна разрядилась и говорит:

– Вставай, сестрица! Вставай, родима! Пойдём домой.

– Охти мне! – взгоревалась сестрица. – Я весь день проспала, ничего не видела; теперь мати забранит меня!

□Пришли домой; спрашивает её мати:

– Что пила, что ела Марья-царевна?

– Я ничего не видела.

Ягишна заругалась на неё; поутру встаёт, посылает троеглазую дочь:

– Поди-ка, – говорит, – погляди, что она, сука, ест и пьёт?

Пришли девицы в чистое поле бурёнушку пасти; говорит Марья-царевна:

– Сестрица! Дай я тебе в головушке поищу.

– Поищи, сестрица, поищи, родима!

Марья-царевна стала искать да приговаривать:

– Спи-спи, сестрица! Спи-спи, родима! Спи-спи, глазок! Спи-спи, другой!

А про третий глазок позабыла; третий глазок глядит да глядит, что робит Марья-царевна. Она подбежала к бурёнушке, в праву ножку поклонилась, напилась-наелась, хорошо срядилась; стало солнышко садиться – она опять поклонилась бурёнушке, разрядилась и ну будит троеглазую:

– Вставай, сестрица! Вставай, родима! Пойдём домой.

□Пришла Марья-царевна домой, сухую краюшку на стол положила.

Стала мати спрашивать у своей дочери:

– Что она пьёт и ест?

Троеглазая всё и рассказала. Ягишна приказывает:

– Режь, старик, коровушку-бурёнушку.

Старик зарезал; Марья-царевна просит:

– Дай, дедушка родимый, хоть гузённую кишочку мне.

Бросил старик ей гузённую кишочку; она взяла, посадила её к верее – вырос ракитов куст, на нём красуются сладкие ягодки, на нём сидят разные пташечки да поют песни царские и крестьянские.

□Прослышал Иван-царевич про Марью-царевну, пришёл к её мачехе, положил блюдо на стол:

– Которая девица нарвёт мне полно блюдо ягодок, ту за себя замуж возьму.

Ягишна послала свою большую дочь ягод брать; птички её и близко не подпускают, того и смотри – глаза выключут; послала другую дочь – и той не дали. Выпустила, наконец, Марью-царевну; Марья-царевна взяла блюдо и пошла ягодок брать; она берёт, а мелкие пташечки вдвое да втрое на блюдо кладут; пришла, поставила на стол и царевичу поклон отдала. Тут веселым пирком да за свадебку; взял Иван-царевич за себя Марью-царевну, и стали себе жить-поживать, добра наживать.

□Долго ли, коротко ли жили, родила Марья-царевна сына. Захотелось ей отца навестить; поехала с мужем к отцу в гости. Мачеха обворотила её гусынею, а свою большую дочь срядила Ивану-царевичу в жёны. Воротился Иван-царевич домой. Старичок-пестун^[1] встаёт поутру ранёхонько, умывается белёхонько, взял младенца на´руки и пошёл в чистое поле к кусточку. Летят гуси, летят серые.

– Гуси вы мои, гуси серые! Где вы младёного^[2] мать видали?

– В другом стаде.

Летит другое стадо.

– Гуси вы мои, гуси серые! Где вы младёного мать видали?

Младёного мать на землю скочила, кожух сдёрнула, другой сдёрнула, взяла младенца на руки, стала грудью кормить, сама плачет:

– Сегодня покормлю, завтра покормлю, а послезавтра улечу за тёмные леса, за высокие горы!

□Старичок пошёл домой; паренёк спит до утра без разбуду, а подменённая жена бранится, что старичок в чистое поле ходит, всего сына заморил! Поутру старичок опять встаёт ранёхонько, умывается белёхонько, идёт с ребёнком в чистое поле; и Иван-царевич встал, пошёл невидимо за старичком и забрался в куст. Летят гуси, летят серые. Старичок окликивает:

– Гуси вы мои, гуси серые! Где младёного матку видали?

– В другом стаде.

Летит другое стадо:

– Гуси вы мои, гуси серые! Где вы младёного мать видали?

Младёного мать на землю скочила, кожу сдёрнула, другую сдёрнула, бросила на куст и стала младёного грудью кормить, стала прощаться с ним:

– Завтра улечу за тёмные леса, за высокие горы!

□Отдала младенца старику.

– Что, – говорит, – смородом^[3] пахнет?

Хотела было надевать кожи, хватилась – нет ничего: Иван-

царевич спалил. Захватил он Марью-царевну, она обвернулась скакухой^[4], потом ящерицей и всякой гадиной, а после всего веретёшечком^[5]. Иван-царевич переломил веретёшко надвое, пятку назад бросил, носок перед себя – стала перед ним молодая молодичка. Пошли они вместе домой. А дочь Ягишны кричит-ревёт:

– Разорительница идёт! Погубительница идёт.

Иван-царевич собрал князей и бояр, спрашивает:

– С которой женой позволите жить?

Они сказали:

– С первой.

– Ну, господа, которая жена скорее на ворота скочит, с той и жить стану.

Дочь Ягишны сейчас на ворота взлезла, а Марья-царевна только чапается^[6], а вверх не лезет. Тут Иван-царевич взял своё ружьё и застрелил подменённую жену, а с Марьей-царевной стал по-старому жить-поживать, добра наживать.

---

[1] – Пестун – воспитатель ребёнка.

[2] – Младенца.

[3] – Смрадом.

[4] – Лягушкой.

[5] – Веретеном.

[6] – Цепляется.

 Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Крошечка-Хаврошечка

Вы знаете, что есть на свете люди и хорошие, есть и похуже, есть и такие, которые бога не боятся, своего брата не стыдятся: к таким-то и попала Крошечка-Хаврошечка. Осталась она сиротой маленькой; взяли её эти люди, выкормили и на свет божий не пустили, над работою каждый день занудили, заморили; она и подаёт, и прибирает, и за всех и за всё отвечает.

□А были у её хозяйки три дочери большие. Старшая звалась Одноглазка, средняя – Двуглазка, а меньшая – Триглазка; но они только и знали у ворот сидеть, на улицу глядеть, а Крошечка-Хаврошечка на них работала, их обшивала, для них и пряла и ткала, а слова доброго никогда не слыхала. Вот то-то и больно – ткнуть да толкнуть есть кому, а приветить да приохотить нет никого!

Выйдет, бывало, Крошечка-Хаврошечка в поле, обнимет свою рябую корову, ляжет к ней на шейку и рассказывает, как ей тяжело жить-поживать:

– Коровушка-матушка! Меня бьют, журят, хлеба не дают, плакать не велят. К завтраму дали пять пудов напрядь, наткать, побелить, в трубы покатать.

А коровушка ей в ответ:

– Красная дэвица! Влезь ко мне в одно ушко, а в другое вылезь – всё будет сработано.

Так и сбывалось. Вылезет красная дэвица из ушка – всё готово: и наткано, и побелено, и покатано. Отнесёт к мачехе; та поглядит, побряхтит, спрячет в сундук, а ей ещё больше работы задаст. Хаврошечка опять придёт к коровушке, в одно ушко влезет, в другое вылезет и готовенькое возьмёт принесёт.

□Дивится старуха, зовёт Одноглазку:

– Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая! Доглядись, кто сироте помогает: и ткёт, и прядёт, и в трубы катает?

Пошла с сиротой Одноглазка в лес, пошла с нею в поле; забыла матушкино приказанье, распеклась на солнышке, разлеглась на травушке; а Хаврошечка приговаривает:

– Спи, глазок, спи, глазок!

Глазок заснул; пока Одноглазка спала, коровушка и наткала и побелила. Ничего мачеха не дозналась, послала Двуглазку. Эта тоже на солнышке распеклась и на травушке разлеглась, матернино приказанье забыла и глазки смежила; а Хаврошечка баюкает:

– Спи, глазок, спи, другой!

Коровушка наткала, побелила, в трубы покатала; а Двуглазка всё ещё спала.

□Старуха рассердилась, на третий день послала Триглазку, а сироте ещё больше работы дала. И Триглазка, как её старшие сестры, попрыгала-попрыгала и на травушку пала. Хаврошечка

поёт:

– Спи, глазок, спи, другой! – а об третьем забыла.

Два глаза заснули, а третий глядит и всё видит, всё – как красная дэвица в одно ушко влезла, в другое вылезла и готовые холсты подобрала. Всё, что видела, Триглазка матери рассказала; старуха обрадовалась, на другой же день пришла к мужу:

– Режь рябую корову!

Старик так-сяк:

– Что ты, жена, в уме ли? Корова молодая, хорошая!

Режь, да и только! Наточил ножик...

□Побежала Хаврошечка к коровушке:

– Коровушка-матушка! Тебя хотят резать.

– А ты, красная дэвица, не ешь моего мяса; косточки мои собери, в платочек завяжи, в саду их рассади и никогда меня не забывай, каждое утро водою их поливай.

Хаврошечка всё сделала, что коровушка завещала; голодом голодала, мяса её в рот не брала, косточки каждый день в саду поливала, и выросла из них яблонька, да какая – боже мой! Яблочки на ней висят наливные, листвицы шумят золотые, веточки гнутся серебряные; кто ни едет мимо – останавливается, кто проходит близко – тот заглядывается.

□Случилось раз – девушки гуляли по саду; на ту пору ехал по полю барин – богатый, кудреватый, молоденький. Увидел яблочки, затрогал девушек:

– Дэвицы-красавицы! – говорит он. – Которая из вас мне яблочко поднесёт, та за меня замуж пойдёт.

И бросились три сестры одна перед другой к яблоньке. А

яблочки-то висели низко, под руками были, а то вдруг поднялись высоко-высоко, далеко над головами стали. Сестры хотели их сбить – листья глаза засыпают, хотели сорвать – сучья косы расплетают; как ни бились, ни метались – ручки изодрали, а достать не могли. Подошла Хаврошечка, и веточки приклонились, и яблочки опустились. Барин на ней женился, и стала она в добре поживать, лиха не зная.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Дочь и падчерица

Женился мужик вдовый с дочкою на вдове – тоже с дочкою, и было у них две сводные дочери. Мачеха была ненавистная; отдыху не даёт старику:

– Вези свою дочь в лес, в землянку! Она там больше нарядёт.

Что делать! Послушал мужик бабу, свёз дочку в землянку и дал ей огниво, кремёшик, труду^[1] да мешочек круп и говорит:

– Вот тебе огоньку; огонёк не переводи, кашку вари, а сама сиди да пряди, да избушку-то припри.

□Пришла ночь. Девка затопила печурку, заварила кашу, откуда ни возьмись мышка и говорит:

– Дёвица, дёвица, дай мне ложечку каши.

– Ох, моя мышенька! Разбай^[2] мою скуку; я тебе дам не одну ложку каши, а и досыта накормлю.

Наелась мышка и ушла. Ночью вломился медведь.

– Ну-ка, деушка, – говорит, – туши огни, давай в жмурку играть.

□Мышка взбежала на плечо дёвицы и шепчет на ушко:

– Не бойся, дёвица! Скажи: давай! а сама туши огонь да под печь полезай, а я стану бегать и в колокольчик звенеть.

Так и случилось. Гоняется медведь за мышкою – не поймает; стал реветь да поленьями бросать; бросал-бросал, да не попал, устал и молвил:

– Мастерца ты, деушка, в жмурку играть! За то пришлю тебе утром стадо коней да воз добра.

□Наутро жена говорит:

– Поезжай, старик, проведай-ка дочь – что наярала она в ночь?

Уехал старик, а баба сидит да ждёт: как-то он дочерние косточки привезёт! Вот собачка:

– Тяф, тяф, тяф! С стариком дочка едет, стадо коней гонит, воз

добра везёт.

– Врёшь, шафурка^[3]! Это в кузове кости гремят да погромыхивают.

Вот ворота заскрипели, кони на двор вбежали, а дочка с отцом сидят на возу: полон воз добра! У бабы от жадности аж глаза горят.

– Экая важность! – кричит. – Повези-ка мою дочь в лес на ночь; моя дочь два стада коней пригонит, два воза добра притащит.

□Повёз мужик и бабину дочь в землянку и так же снарядил её и едою и огнём. Об вечеру заварила она кашу. Вышла мышка и просит каши у Наташки. А Наташка кричит:

– Ишь, гада какая! – и швырнула в неё ложкой.

Мышка убежала; а Наташка уписывает одна кашу, съела, огни позадула и в углу прикорнула.

□Пришла полночь – вломился медведь и говорит:

– Эй, где ты, деушка? Давай-ка в жмурку поиграем.

Дёвица молчит, только со страху зубами стучит.

– А, ты вот где! На́колокольчик, бегай, а я буду ловить.

Взяла колокольчик, рука дрожит, колокольчик бесперечь звенит, а мышка отзывается:

– Злой дёвице живой не быть!

□Наутро шлёт баба старика в лес:

– Ступай! Моя дочь два воза привезёт, два табуна пригонит.

Мужик уехал, а баба за воротами ждёт. Вот собачка:

– Тяф, тяф, тяф! Хозяйкина дочь едет – в кузове костьюми гремит, а старик на пустом возу сидит.

– Врёшь ты, шавчонка! Моя дочь стада гонит и возы везёт.

Глядь – старик у ворот жене кузов подаёт; баба кузовок открыла, глянула на косточки и завыла, да так разозлилась, что с горя и злости на другой же день умерла; а старик с дочкою хорошо свой век доживал и знатного зятя к себе в дом примал.

---

[1] – Трут (Ред.).

[2] – Разговори.

[3] – Шафурка – смутьянка, сплетница (Ред.).

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Старуха- говоруха

И день и ночь старуха ворчит, как у ней язык не заболит? А всё на падчерицу: и не умна, и не статна! Пойдёт и придёт, станет

и сядет – всё не так, невпопад! С утра до вечера как заведённые гусли. Надоела мужу, надоела всем, хоть со двора бежи! Запряг старик лошадь, затеял в город просо везть, а старуха кричит:

– Бери и падчерицу, вези хоть в тёмный лес, хоть на путь на дорогу, только с моей шеи долой.

□Старик повёз. Дорога дальняя, трудная, всё бор да болото, где кинуть девку? Видит: стоит избушка на курьих ножках, пирогом подперта, блином накрыта, стоит – перевёртывается.

– В избушке, – подумал, – лучше оставить дочь, ссадил её, дал проса на кашу, ударил по лошади и укатил из виду.

□Осталась девка одна; натолкла проса, наварила каши много, а есть некому. Пришла ночь длинная, жуткая; спать – бока пролежишь, глядеть – глаза проглядишь, слова молвить не с кем, и скучно и страшно! Стала она на порог, отворила дверь в лес и зовёт:

– Кто в лесе, кто в тёмном – приди ко мне гостевать!

Леший откликнулся, скинулся^[1] молодцом, новгородским купцом, прибежал и подарочек принёс. Нынче придёт покалякает^[2], завтра придёт – гостинец принесёт; увадился^[3], наносил столько, что девать некуда!

□А старуха-говоруха и скучила^[4] без падчерицы, в избе у ней стало тихо, на животе тошно, язык пересох.

– Ступай, муж, за падчерицей со дна моря её достань, из огня выхвати! Я стара, я хила, за мной походить некому.

Послушался муж; приехала падчерица, да как раскрыла сундук да развесила добро на верёвочке от избы до ворот, – старуха было разинула рот, хотела по-своему встретить, а как увидела – губки сложила, под святые^[5] гостью посадила и стала величать её

да приговаривать: «Чего изволишь, моя сударыня?»

---

[1] – Прикинулся, оборотился.

[2] – Поболтает, поговорит.

[3] – Повадился.

[4] – Соскучилась.

[5] – Иконы (т. е. в передний угол).

Загрузка...